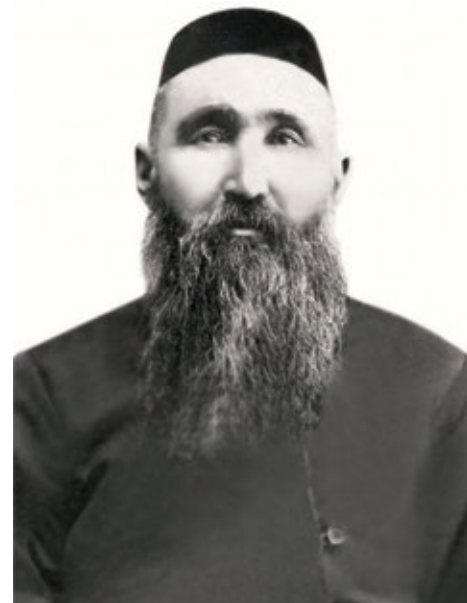

ЛЮБОВЬ И ПРАВДА ШАКАРИМА

К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
(1858-1931)

По силе философских и нравственных исканий его можно сравнить с Ж.-П. Сартром и А. Ф. Лосевым, выдающимися умами минувшего XX века. К тому же он был незаурядным поэтом, прозаиком, эстетом, сочинял музыку, рисовал, занимался прикладным искусством, делал блистательные переводы с разных языков, и здесь напрашиваются аналогии с, пожалуй, Р. Тагором. По гражданскому темпераменту он даже превосходил своего великого дядю – Абая, отдав лучшие годы жизни попыткам подчинить существующие государственные установки устройству жизни соотечественников, но судьба каждый раз скручивала его в бараний рог, дважды отправив в длительное затворничество. Второе закончилось роковым выстрелом 2 октября 1931 года. И более полувека имя его и наследие были погребены в забвении, да и теперь далеко не многим известно, что он сказал, что завещал потомкам. Думая о трагической личности Шакарима, невольно приходишь к выводу, что таков код пребывания на земле подвижников: они приносят себя в жертву ради других, а путь их заканчивается Голгофой.

Он родился в переломную эпоху, когда в состав Российской империи вошла вся казахская степь, и жизнь вольных кочевников в значительной степени определялась законами свыше и порядками, установленными колониальным чиновничеством вкупе с богатеями местного происхождения. Шакарим как раз принадлежал к этой аристократии, будучи внуком могущественного Кунанбая от старшего сына Кудайберды, а младший его сын Абай приходился мальчику родным дядей, с разницей в возрасте 13 лет. Отца Шакарим лишился рано и, по сути, воспитывался в доме деда, а потом – дяди, ставшего ему учителем, духовным наставником.

«Говорят, найди себе кумира для подражания, – писал он впоследствии. – Кумиром для меня стал Абай».

Неудивительно, что детство и юность будущего мыслителя и поэта прошли в неутомимом самообразовании, и к 20 годам это был молодой человек, вооруженный серьезными знаниями по литературе, географии, естественным наукам, автор самобытных стихов и других сочинений, одобренных наставником и уже известных в народе.

Недаром жители Чингисской волости Семипалатинского уезда избрали 20-летнего Шакарима своим большага (волостным управителем) и он, неоднократно вновь избираемый, пробыв

этой должности более двух десятилетий вплоть до наступления нового XX века. За это время он досконально изучил и применял в своей деятельности все необходимые юридические и политические документы, умело манипулировал ими для своих управленческих нужд, много сил отдал изучению быта и запросов населения, родовых и межродовых распрей, отношений между богатыми и бедными, просвещению народа, преодолению невежества низов и чванливого самодовольства власть имущих. Из года в год он был в гуще этих забот, но в конце концов понял, что бьется как рыба об лед, а улучшений как не было так и нет. Сама казенная система управления, бюрократизм, мздоимство, наплевательское отношение чиновничьих верхов к элементарным потребностям простых людей – все это привело Шакарима к мысли о несоответствии благих порывов ничтожным результатам свершенного. С горечью он писал о потерянной лучшей поре жизни:

*Годы между двадцатью и сорока –
годы юности неповторимой,
зря они прошли,
наполнив сердце кровью гнойной.*

Чтобы не стать рабом своей бесполезной должности, славы, которая развеялась, как дым, он принял решение оставить службу и удалиться от людей – обдумать пережитое, успокоиться и заняться продолжением самообразования, развивать одрябшую в суете прежних делишек свою могучую творческую мышцу. Стал выписывать и получать по почте и нарочным книги по истории, философии, психологии, религии, труды античных и западноевропейских мыслителей, художественную литературу и периодику. Он ушел

в Чингисские горы, жил там некоторое время отшельником, жадно поглощая книжные знания, переваривая их умом и сердцем, укрепляя, а иногда корректируя свои убеждения.

В основе своей эти убеждения были и оставались демократическими, исполненными человечности и веры в будущее, как прививал их Шакариму великий Абай.

Но затворническая жизнь не способствовала общению с людьми, проверке умозаключений живой жизнью. И тогда Шакарим, по совету опять-таки дяди, отправился в путешествие по миру – пешим паломником в Мекку, побывал в Турции, Аравии, переплыл Средиземное море, жил и работал во Франции. В библиотеках Стамбула и Парижа он находил книги, недоступные прежде в семипалатинской глуши, добирался в поисках ответов на свои вопросы до архивов, изучал древние тексты и другие источники, Лувр, достопримечательности европейской культуры, познакомился на этой почве с видными представителями интеллигенции.

Вернувшись, он стал пристально изучать Россию, которая с юности интересовала его не менее Запада и Ближнего Востока. Именно в эти годы он с особым вниманием приглядывался к творчеству, идеям и самой личности Льва Толстого – и дело впоследствии дошло до того, что он напрямую обратился в поисках истины к великому русскому писателю и несколько лет состоял с ним в переписке.

Рубеж между двумя веками и первое десятилетие нового XX-го – время затворничества и поездок Шакарима по миру было отмечено знаковыми драматическими событиями – кровавым вступлением в должность императора Николая Второго, русско-японской войной, расстрелом мирной манифестации народа во главе с попом Гапоном и последовавшей за этим революцией 1905 года, столыпинскими реформами, приведшими к резкому ухудшению традиционного уклада коренных жителей Казахстана. Атмосфера сгущалась, и тонкие, глубокие натуры первыми ощущали наступление грядущих катастроф.

«...Черная земная кровь / сулит нам, раздувая вены, / все разрушая рубежи, / неслыханные перемены, / невиданные мятежи», – писал Александр Блок в своей поэме «Возмездие». О враж-

дебности творимой верхами истории интересам, нуждам человека говорил в своих стихах этого периода и Шакарим:

*Коварен мир. Он – как поток
А мы – соломинки. Мы с ним
Летим, куда укажет рок.
И наш полет неудержим.*

После смерти Абая, его сыновей, любимых племянников Шакарима – Акылбая и Магауи, что стало глубоким потрясением для оставшегося в одиночестве философа-суфия, он опять ушел в Чингисские горы. Ушел, чтобы вновь предаться уединенным размышлениям о вечном и мгновенном, о месте человека в потоке истории, об ускользающих от осмысления истинах, и многом другом, о чем хотелось написать после дальних странствий, общения с каледоскопом лиц, с картинами далекого прошлого и все более ужесточающейся реальности.

В 1912–1922 годах Шакарим жил в местности Кенконыс (символическое название, если учесть, что живший схимником мыслитель обнимал своим взглядом весь огромный мир). Этот период был целиком посвящен науке и творчеству, написаны сочинения о родословной казахов и других тюркских народов, о вере, молодости, старости, сборник «Разные мысли», афоризмы, которые создавал Шакарим на протяжении всей своей жизни. В этот период появились глубокие, полные философского и гражданского содержания стихотворения («Явился в мир ты голышом», «Цари на войско не жалеют трат» и др.), сделаны переводы рассказов Л. Н. Толстого «Асархадон», «Три вопроса», «Царь Крез», повести Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», поэтические переложения повестей А. С. Пушкина «Дубровский» и «Метель». Статьи, очерки Шакарима печатались в журналах, газетах на казахском языке, которые в это время появились и набирали силу.

А за стенами его одинокого жилища бушевали вселенские страсти, происходили глобальные события, нарушившие до селе существующий уклад.

Первая мировая война, в которой с 1914 года увязла николаевская Россия, народное движение в Казахстане и других регионах Средней Азии, связанное с насильственной мобилизацией местного населения на тыловые работы и увеличившимися поборами

на военные нужды, Февральская революция, свалившая самодержавие... И наконец, Октябрьский переворот, передавший всю полноту власти новому режиму – большевикам во главе с Лениным, взявшим курс на построение народного, ранее невиданного в истории государства на шестой части земной суши.

Шакарим приветствовал крушение старого строя. Он вернулся к людям, участвовал в делах партии «Алаш» по созданию казахской государственности, новых институтов правопорядка, просвещения, культуры. Одно время он даже был судьей (бием), разрешал, как в молодости, споры и недоразумения в степном краю в условиях неразберихи, плохого исполнения декретов, шедших из Москвы. Однако эмиссары нового режима проявляли подозрительность к работе и личности выходца из аристократических кругов, не одобряли популярность Шакарима среди населения на фоне недоверия людей к полуграмотным действиям официальных органов.

В итоге ему было отказано в услугах советской власти, а продолжающееся хождение, поездки людей за советами к признанному хакиму стали рассматриваться как подрыв авторитета местных учреждений.

Шакарим вновь замкнулся в своем уединении. Власть большевиков, придя в степь, принесла с собой голод, разруху, вражду. Осмысление событий 20-х годов в Казахстане и в целом на просторах бывшей царской России привело его к выводу, что построение нового общества через истребление людьми друг друга, насилие, кровь, пусть не сразу, но бумерангом вернутся и сокрушат любой режим. Как в России Александр Блок, так и в Казахстане Шакарим, встретившие освобождение народа с пониманием и воодушевлением (вспомним блоковскую поэму «Двенадцать»), не могли скрыть своего разочарования, когда революция переросла в братоубийственную гражданскую войну, в жестокую практику так называемого военного коммунизма.

У Шакарима разошлись пути с «Алаш», он перестал надеяться на новую власть, творившую руками оголтелых активистов (бельсенды) произвол и беззаконие. Он с сыновьями сложил

саманное жилище в урочище Карабулак, удалился от людей и погрузился в изучение собранных книг, работу над новыми рукописями, начатыми философскими трудами, элегиями, в которых все более звучали трагические ноты.

*Своим потомкам стих я передам –
Одним на радость и на смех другим.
Хоть не придется повстречаться нам,
Пусть знают, как я скорбью был томим.*

Массовая конфискация имущества, прокатившаяся по всей степи, лишила и семью Шакарима привычных средств к существованию, но они, усердно трудясь, пытались выйти из нужды. Между тем, положение вокруг все более ухудшалось. В конце 20-х годов обозначились признаки голода, который к 1931 году схватил своей костлявой рукой тысячи и тысячи кочевников, оставшихся без скота.

Тяжелым ударом для Шакарима стало самоубийство сына Гафура, арест оставшихся двух, постоянные вызовы его самого в карательные органы, голословные обвинения в связях с противниками советской власти.

Шакарим обратился в только что созданный Союз писателей с просьбой защитить его от напраслины, дать возможность публикации его сочинений.

Руководитель Казахстанского филиала Сабит Муканов заверил, что произведения поэта могут быть напечатаны, но не сдержал своего слова. А местный глава ОГПУ Абзал Карасартов, сам пописывавший стишки, все яростнее травил Шакарима за то, что он центр притяжения людей, что они едут и едут к нему, поют и передают из уст в уста его песни, изречения, афоризмы...

И вот, улучив момент, Карасартов с подручными подкараулил Шакарима, вышедшего проводить приехавших к нему за советами людей и, объявив ни в чем неповинных всадников враждебной советской власти группировкой, приказал открыть огонь по безоружным. Пуля поразила 73-летнего философа насмерть, бездыханное тело было кинуто в старый колодезь и забросано камнями и землей.

Было состряпано дело о контрреволюционной банде Ш. Кудайбердиева, утвержденное в верхах, с конфискацией всего его наследия, уничтожены его фотографии, кроме одной, приклеенной к приговору. Произведения поэта больше не печатались, его книги,

изданные раньше, были изъяты из библиотек, был наложен запрет даже на произношение вслух имени Шакарима.

Но народ упрямо хранил в памяти его чеканные, мелодичные стихи, меткие фразы, афоризмы, загадки.

Другое дело – его философские работы, пространные переводы с русского и других языков, переложения бессмертных образцов казахского фольклора, поэм лириков арабского, персидского, тюркского Востока. Они лежали под спудом в недоступных архивах и, казалось, никогда им оттуда не будет выхода. Это автобиографическая повесть «Записки Забытого», поэмы «Нартайлак и Айсулу», «Смерть Кодара», «Сад подснежников», художественная проза «Адиль и Мария», рассказы под общим названием «Байшешек бакшасы», поэтическое переложение эпосов «Калкман-Мамыр», «Енлик-Кебек», вольное переложение поэмы Физули «Лейли и Меджнун». Это его бесценный философский трактат «Три истины», который он писал в течение 30 лет.

Даже после 1958 года, когда решением генпрокуратуры дело Шакарима было пересмотрено и он был реабилитирован «за отсутствием состава преступления», цензурный запрет на его творческое наследие негласно не был снят, и все, что связано с Шакаримом, продолжало оставаться за завесой молчания. Поэт как будто предвидел это, когда писал:

*О камни нас, о корни бьет.
Нет нам ни отдыха, ни сна.
Но смерть настгла нас. И вот
Нас обступила тишина.*

Судьба Шакарима после его гибели была еще более немилосердна, чем при жизни.

Лишь летом 1961 года сын Ахат (единственный оставшихся в живых после голодомора и сталинских репрессий) перезахоронил останки отца. Нашелся глухонемой истопник ОГПУ Шаукен, который среди одежды и бумаг, предназначенных к сожжению, обнаружил фотографию Шакарима, теперь широко публикуемую, а также указал место тайного захоронения поэта палачами в 1931 году. Местом последнего упокоения праха стал аул Жидебай. Теперь их могилы рядом – Абая и Шакарима.

Произведения поэта и философа сделались достоянием народа с наступ-

лением новых времен – перед распадом советской империи и с обретением Казахстаном суверенитета.

Изданы его стихотворения, поэмы, переводы. В 2008 году, в канун 150-летия, вышел трехтомник лирики, художественной прозы и ученых сочинений. Его именем назван университет, установлен памятник в Семее. Выходит журнал «Шәкәрім», проводятся шакаримовские чтения, недели Шакарима и многое другое.

Абай в своих «Словах назидания» писал: «Мудрецом или мыслителем можно назвать только того, кто своим умением, размышлениями и опытно-стью дошел до сознания высших духовных сил и обязательно соединяет в себе любовь и правду».

Это можно сказать в первую очередь о Шакариме. Любовью его была родная земля, народ, которому он хотел служить и телом и душой и недюжинным умом. А правда его состоит в том, что высшим мериллом жизни человека и человечества в целом является совесть, без которой невозможно построить справедливое общество, благоденствие на Земле. Сегодня труды Шакарима, его нравственно-философские изыскания помогают благородным сердцам видеть эту правду и предостерегают от того, чтобы страшные страницы истории не повторялись, а мир, людские отношения основывались именно на любви – к ближнему, к добру, красоте, истине.

Жизнь Забытого продолжается. Триумф его духа, настоящая большая слава еще впереди.

Георгий ОЛЕНИН

АННОТАЦИЯ

Әдебиеттанушы және эссеші Георгий Олениннің мақаласында ұлы қазақ ойшылы, ақын, жазушы Шәкәрім Құдайбердиевтің тағдыры туралы баяндалады. Оның 160 жылдығы 2018 жылы атап өтіледі. Ол халықтың ар-ожданына айналды, оның адамгершілік дамуының, рухани шамшырағының бірі болды.